

М. Л. Лидов

1926 – 1993

Где искать вершину деяний человеческих? Не на Луне ли? Не то ли ли мгновение, когда человек впервые ступил на поверхность нашего спутника, прекраснейшее во всей истории нашей Земной цивилизации?

Путь туда был долгим, и первыми ступили на поверхность Луны не мы. Но мы первыми облетели наш спутник и первыми осуществили мягкую посадку на него.

Одним из “пролагателей дальней дороги” в этих полетах был Михаил Львович Лидов.

День рождения Лидова — 4 октября. У меня не раз еще будут поводы вспоминать этот день — четвертое октября.

Его отец, Лев Осипович (1898 года рождения) рано проникся идеями большевизма. В Севастополе на стене одного из домов, висела (и, чего доброго, висит и по сию пору) мемориальная доска, на которой было начертано, что в этом доме жила семья большевиков-подпольщиков (у них укрывались известные каждому в двадцатые годы имена большевиков — Дыбенко и Гамарник). Фамилия подпольщиков была Котнер. Лидов — партийный псевдоним молодого большевика Льва Котнера.

Мать Миши — Генриета Исааковна Перельман — родилась в Запорожье в 1902 году, там же окончила гимназию. Поступила в симферопольский медицинский институт. В Севастополе, куда она поехала к родственникам, повстречала своего будущего мужа.

В те годы (как, впрочем, и сейчас) мир был охвачен безумием. Многие, в том числе Лев Осипович, уверовали в то, что должно установить новый порядок вещей, который приведёт к нескончаемой эре всеобщего счастья. А сам он был пылинкой, носимой революционным вихрем по городам и весям (тогда “большевики с дореволюционным стажем” были востребованы во многих местах) — Севастополь, Симферополь, Черкассы...

Генриета Исааковна следовала за ним. Мысль об окончании института ей пришлось оставить. В 1922 году у Лидовых родилась дочь Вера, а ещё через четыре года — сын.

В начале тридцатых Лев Осипович стал директором Дома Отдыха МК партии в Горках Ленинских, где прожил с семьей три года (там Ли-

довы общались с Надеждой Константиновной Крупской и сестрами Ленина Анной и Марией Ульяновыми; Миша помнил об этом смутно). Но к Лидову-старшему ещё с двадцатых годов прилипло клеймо троцкиста: когда-то он, хоть и в самой слабой форме, но присоединился к некоей резолюции, объявленной впоследствии оппортунистической. И Лидова стали постепенно спускать по служебной лестнице вниз. Предпоследняя ступень его карьеры — Москва, где в 1933 году он получил должность и комнату в коммунальной квартире номер 25 в доме 5 по Проезду Художественного театра. Их комната, соседствовала с той, где в следующем, 1934 году, суждено было родиться мне. Так мы с Мишей стали соседями. Он звал меня Вовкой, я его — Мишкой. Мать его я, с раннего младенчества и до последнего ее дня, очень любил и звал ее “тетя Генечка” . Я помню тётю Генечку, Мишу и Веру, по-видимому, с 1937 года. Но Льва Осиповича тогда уже не было. Последней “ступенью” в его биографии оказались, на счастье, не расстрельная статья и не лагерь. А всего только ссылка. Его сослали куда-то под Рязань, и он стал заведовать там клубом.

Комната Лидовых была необычно пуста — недавние москвичи, они не успели обзавестись мебелью, вот только была у них венская качалка из гнутых прутьев, на которой я обожал качаться.

... Как-то раз тетя Генечка вбежала в нашу комнату, и увидев меня, сказала: “Хочешь посмотреть на мишиного папу?” Я зашел в соседнюю дверь. На “моей” качалке сидел незнакомый мне мужчина, выглядевший постарше тети Генечки. Он поднялся, чтобы поздороваться со мной. Очень худой, прямой и высокий блондин, выше всех, кого мне довелось видеть в мои четыре года.

Лев Осипович уехал в тот же день. Мы увиделись лишь через двадцать лет...

В 1940 году забрали Веру. Ей дали три года. “Забрать” и “дать” — частые словечки того времени. Наши внуки их пока, к счастью, не понимают.

Но жизнь продолжалась. Тетя Генечка работала бухгалтером, Миша ходил в школу.

Когда бы ни заходила речь о Михаиле Львовиче Лидове, неизменно вспоминают необычайный уровень его культуры, его познания в искусстве, особенно в театре и литературе. Кто, кроме меня, помнит, как это начиналось?

Вот как вышло с театром. У Миши был друг — Сережа Войтинский. Он тоже рос

без отца. Жил с матерью в коммунальной квартире. Мальчики часто общались: то Сергей заходил к Мишке, то наоборот. А сержкина мать была чем-то вроде инспектора московских театров, ее в театральном мире знали все.

Как-то раз в квартире у Войтинских мальчишки разбаловались, возились, расшумелись. Соседи могли быть недовольны, и мать сказала им с укоризной: “Что вы носитесь, как угорелые. Занялись бы чем-нибудь!” Сын спросил: “А чем?” “Ну, хоть в театр ходили бы...” “А как?” И тут мать Сергея взяла со стола газету и стала просматривать названия вечерних спектаклей — объявления о них тогда помещались в “Правде”. Что-то выбрала, нашла телефон театра по телефонному справочнику, набрала номер. Когда ей ответили, она спросила: “Это театральная касса?” Ей подтвердили, и она продолжала: “Войтинская говорит. Оставьте, пожалуйста, два билета на мое имя.” Поблагодарив, она положила трубку и затем объяснила мальчишкам, в какой театр они должны ехать и как спросить билеты. Они поехали, спросили “билеты для Войтинской” и попали на спектакль. Им понравилось.

Когда в очередной раз мальчишкам стало скучно, Сергей повторил весь алгоритм: взял газету, выбрал театр, нашёл телефон, позвонил и, подражая матери, женским голосом произнес: “Это театральная касса? Войтинская говорит. Оставьте, пожалуйста, два билета на мое имя.”

Много раз потом они таким манером ходили в различные театры (только раз им сказали: “Только напишите, пожалуйста записку” и сорвалось).

Так Миша Лидов стал поклонником, а потом и знатоком театра.

В мае 1941 года Миша закончил седьмой класс и поехал на пару летних месяцев к отцу, на рязанщину.

22 июня в одиннадцать часов утра голос Левитана стал как-то необычно сурово каждые десять минут объявлять, что вскоре будет сделано важное сообщение.

В двенадцать часов выступил Молотов. Он завершил свою речь словами, которые памятливы всем: “Наше дело правое. Победа будет за нами.” Началась война.

На следующий день за отцом “пришли”. И увели в неизвестном направлении. Четырнадцатилетний Мишка остался один. Он бросился на вокзал, чтобы вернуться домой, но для возвращения в Москву нужен был “вызов”, а “так” билеты не продавали. Мальчик заплакал от горя. Как он потом говорил, в последний раз в своей жизни. И в последний раз он не справился с поставленной целью без посторонней помощи (ему удалось-таки дозвониться домой, тётя Генечка приехала и забрала сына). Незадолго до смерти М. Л. сам собирался положить этот эпизод на бумагу, но не успел.

Началась эвакуация, я с бабушкой и дедушкой эвакуировались в Куйбышев, но тётя Генечке некуда было уезжать. Она осталась с Мишей в почти опустевшей нашей квартире. Зима сорок первого года была суровой. Отопление не работало. Поставили

временку. А чем топить? Старуха, оставшаяся в квартире вместе с Лидовыми, предложила топить книгами: два шкафа от старых жильцов стояли в коридоре. Мишка брал на ночь несколько томиков, которые утром должны были пойти в печь. Ночью читал при свете керосиновой лампы. Так Миша приобщился к литературе.

Несколько книг Мишка оставил для себя: томики Есенина, Гюгчева, Блока и один поэтический альманах, изданный когда-то еще до Первой мировой войны томик поэтов Серебряного века.

Многие стихи он выучил наизусть. Думая о будущем, он примерял на себя и фрак чтеца — тогда это был популярный жанр эстрады. Миша любил читать стихи на протяжении всей своей жизни — друзьям, в компаниях, девушкам. Я был первым его слушателем. Мне было восемь лет, когда это началось (осенью сорок второго мы вернулись). Многим я обязан ему, в частности, тем, что впервые из его уст услышал прекрасные стихи. Со слуха, из мишкиных уст кое-что я запомнил. Стихи о Женщине (“Что же ты потупилась в смущенье ...” Блока), о судьбе человека двадцатого века (“И теперь говорю уж не маме, а в чужой и хохочущий сброд: «Ничего. Я споткнулся о камень. Это к завтраму все заживет»” Есенина) и ещё много разного.

Зимой сорок второго, в занавешанной одеялами холодной комнате, при свете керосиновой лампы, в шубе и зимней шапке, услышал я мишино чтение “Сакьи Муни” Мережковского.

...Толпа голодных и оборванных бродяг в бурю бредет из далеких стран к водам Ганга. Вдруг они видят Храм, входят в него и перед их взором предстает статуя Будды с огромным бриллиантом в “порфиновой короне”. Кто-то из нищих говорит, что этот камень не нужен Будде, который владеет неисчислимыми бриллиантами звёзд в небесной чаше. А им бриллиант сможет принести “много хлеба, серебра и платья”. Но едва они дотронулись до святыни, как страшный удар стихии отбросил их назад, и

“От страха все окаменело.

Лишь один, спокойно величав,

Из толпы вперед выходит смело.

Говорит он Богу: ты не прав!”

Он пеняет Будде за его мелочность перед обездоленными, в пыли простертыми перед ним людьми, но как и Он “с бессмертной душой.”

И Бог признает правоту своего оппонента:

“Чтобы камень взять они могли,

Изваянье Будды преклонилось

Головой венчанной до земли.”

Не будем обсуждать здесь личность поэта и саму поэзию. Но я не устаю благодарить Мишу за то, что впервые из его уст донеслись до меня необычные, не слышанные мною ранее слова, и в ту минуту впервые встали передо мной вечные проблемы жизни и бессмертия, достоинства и милосердия, и вопрос: может ли цель оправдать средство?

Лидов был из тех, кто предпочел бы смерть преступлению совести.

Но продолжим. В войну Миша не пошел в восьмой класс, он поступил

в техникум, чтобы как можно быстрее встать на ноги. Зарплата матери была очень скудной, жилось тяжело, и ему пришлось искать еще и работу, чтобы им выжить. Он устроился рабочим сцены в Московский Художественный театр, который соседствовал с нашим домом. Миша застал еще Немировича-Данченко, видел на сцене Качалова, Книппер-Чехову, Москвина, Хмелева, Тарасову, Андровскую, Ливанова ...

Через много лет я спросил как-то Лидова, кого он выделил бы в этой плеяде. Миша был человеком очень большой требовательности к себе и другим. (В некрологе о нём (“Письма в астрономический журнал” , 1994, т. 20, N 5, с. 399 - 340) сказано, что “его похвалой можно было гордиться, как редкой наградой” .) Высший уровень он обозначал им самим изобретенным словом словом “Моща́!” Но чаще всего, даже по отношению к самым признанным, он говорил: “Не моща́” . (Как-то он сказал мне, что Колмогоров, возможно, “моща́” , но он не может судить: его работ не читал.)

Я слышал это слово в его устах без отрицания только по отношению к двум людям. Один из них — Василий Иванович Качалов. Другой — Владимир Игоревич Арнольд, чьи работы Лидову пришлось изучать в связи с его собственными исследованиями.

Как-то раз тётя Генечка прибежала к нам взволнованная, и со слезою в голосе сказала мне: “Не хочешь попрощаться с Мишей? — он уезжает с Белорусского вокзала на фронт. Его постригли, ты еще не видал его таким...” Бабушка испугалась, что я там потеряюсь, кто знает, что может случиться и не пустила. До сих пор сожалею, что не настоял на том, чтобы проводить Мишку.

Это случилось в 1944 году. Двадцать шестой год был “полупризывным” . Можно было переждать, окончить техникум, а там и войне конец. Но Миша пошел на Войну. Попал в авиационные части. Служил механиком по самолетному вооружению. Войну кончил в Польше на военном аэродроме под Торунью.

В Торуня 19 февраля 1543 года родился Коперник, а с него, как мы знаем, и началась новая эра в истории человечества. Потом были Галилей, Кеплер, Ньютон, Циолковский, фон Браун, Королев ...

В книге Ньютона “Математические начала натуральной философии” (1687) есть рисунок: Земля, на ней гора, на горе — стреляющая пушка. Снаряд летит вокруг Земли. Впервые нечто подобное произошло чет-

вёртого октября 1957 года в мишин день рождения, и Лидов был к тому событию причастен.

После войны Мишу не демобилизовали. Он остался служить там же, под Торунью. Что там делали? Пили. До безобразия. Раз Мишка в почти полном пьяном помрачении спросил, ни к кому не обращаясь: “Для чего пьем?” Кто-то ответил: “Чтобы было что вспомнить!” Миша очень любил повторять это высказывание.

Году в сорок шестом их часть перевели в Чкаловское под Москвой. Миша стал иногда в увольнительную приезжать домой к матери.

Чтобы закончить среднее образование, Лидов поступил в школу рабочей молодежи. Окончил ее в 1949 году. Обсуждал со мной, в какой вуз поступать. Вопрос об актерской профессии как-то уже не стоял. Думал поступать на юридический, но вдруг подал заявление на заочное отделение механико-математического факультета МГУ. Тогда нужно было сдавать чуть ли не семь экзаменов. Но как-то до времени все обходилось, кое-что успевал подучить, да и к тому же к нему, как солдату, относились снисходительно.

Оставался последний экзамен — немецкий язык. Надвигалась катастрофа. Языком в школе он занимался всего год, и было это до войны, чуть ли не десять лет тому назад. Всё забылось.

... Миша не любил обсуждать “национальный вопрос” . Тем, что называется “еврейской солидарностью” ему довелось воспользоваться только один раз в своей жизни, и он рассказывал мне об этом, не скрывая своего смущения. Старая преподавательница, принимавшая экзамен по немецкому языку, мгновенно поняла, что спрашивать юношу совершенно бессмысленно: он не знает ничего. Миша ждал двойки и был готов к ней. И это было бы, по его мнению, совершенно справедливо. Он приготовился повернуться и уйти, но вдруг осознал, что старая женщина, в которой он смутно угадывал свою соплеменницу, медлит, что она *не хочет отпустить его с двойкой*. Много лет спустя один из моих знакомых сказал, что подобная солидарность впитывалась в еврейских семьях с молоком матери, но Миша об этом не знал, более того, это противоречило всем его представлениям о добре и зле.

Сам он никогда не отступал от нравственного принципа, согласно которому в основании всего были долг и справедливость. Но здесь он принял даяние, полученное не по заслугам, а, как ему показалось, за происхождение. (Насколько я могу судить, это случилось единственный раз в его жизни, а жестокие удары по этим же основаниям ему довелось

сносить не раз. В описываемом же случае, возможно, сыграло роль лишь то, что старая женщина просто пожалела солдатака.)

... Преподавательница спросила его, имя какого немецкого поэта ему известно. Он робко ответил: “Гёте” . Она его похвалила и задала второй вопрос: “А не назовете ли Вы какое-нибудь произведение Гете?” Он более уверенно произнёс: “Фауст” . “Хорошо” , — сказала она с облегчением и поставила ему тройку. Этой тройки оказалось достаточно для поступления.

Через два года Лидов демобилизовался и перевелся на очное. С того дня, когда двадцатипятилетний демобилизованный солдат осенью 1951 года переступил порог старого здания Московского университета, можно отсчитывать время его жизненного старта.

У подавляющего большинства моих друзей, “представителей моего поколения” старт был очень “низким” . Не буду говорить о себе: мое детство было счастливым. Но и жена моя и многие, многие мои друзья жили без отцов, на руках матерей и/или бабушек (а то и нянек), в семьях, где еле сводили концы с концами, недоедали, жили в коммуналках, нередко в подвалах, в нищете, без какой-либо опоры в жизни.

Но самый низкий старт среди всех, кого я знал и знаю, был, пожалуй, у Лидова. Отец в ссылке. У сестры ссыльное клеймо и “минус сто один” (нельзя жить к крупным городам ближе, чем на сто один километр). На его руках мать, которая получает нищенскую зарплату. Его нормальная школьная жизнь оборвалась десять лет тому назад. Почти все знания улетучились. И никакой, ни от кого поддержки ждать не приходилось. Вот с какой точки ему довелось стартовать.

Но уже через два года (!) Михаил Лидов получает замечательный научный результат по механике, поразивший его научного руководителя, знаменитого академика, одного из крупнейших советских механиков — Леонида Ивановича Седова. В 1954 году этот результат публикуется в “Докладах Академии наук”. Через семь лет Михаил Львович Лидов делает потрясшее всех открытие в геофизике (обнаруживает “дыхание атмосферы”). А еще через два года (как написано в некрологе о нем — цитирую, потому что ни о чём таком М. Л. Лидов мне лично не говорил, и я узнал об этом лишь после его смерти) он “становится фактически лидером целого направления, связанного с теоретическими и прикладными задачами баллистического проектирования и управления

полетом космических аппаратов” . По исчисленной им орбите отправляется “Луна-3” для фотографирования обратной стороны нашего спутника, затем “Луна-9” и “Луна-13” — для мягкой посадки на Луну. После этого Лидов рассчитывает орбиты аппаратов, становящихся спутниками Луны и, наконец, определяет траекторию космического аппарата, который, облетев Луну, возвращается на Землю.

За эти работы в 1964 году ему присуждается степень доктора физико-математических наук (без написания диссертации, по совокупности работ), и в тот же год он удостоивается высшего звания — лауреата Ленинской премии.

Оппонентами при защите докторской диссертации выступали академики А. Ю. Ишлинский, М. В. Келдыш и Л. И. Седов — крупнейшие специалисты в области механики, и это при том, что сам Михаил Львович нисколько не хлопотал по поводу своей защиты.

Как объяснить все это? Вы скажете: талант. А я скажу

Огонь неугасимый.

... Эти слова я впервые услышал осенью 1971 года. Мы поехали с женой и шестилетней дочкой к морю, на Кавказ, в Гагры. Там я повстречал юношу, с которым познакомился, когда тот сдавал экзамен. Он очень хорошо отвечал, мы разговорились и потом много раз, встречаясь, говорили о разном. Этот юноша подавал большие надежды как математик. При этом он был широко мыслящим человеком, писал хорошие стихи. С ним было интересно беседовать, от него можно было многого ожидать в будущем. Но вдруг он исчез из поля моего зрения, и долгое время я ничего о нём не слышал. Когда мы встретились и разговорились в Гаграх, он по секрету мне признался, что подал заявление на выезд в Израиль.

Это было для меня тогда внове, захотелось понять причины и корни такого решения. И вот, каждое утро, пока мои ещё спали, как на работу, я мчался на море, чтобы быстренько выкупаться и потом, лёжа на прибрежной гальке, слушать исповедь моего молодого друга.

... Всё началось с войны 1967 года. Внезапно он почувствовал рационально необъяснимую, но неразрывную связь со своими неведомыми дотопе братьями, над которыми был занесён смертоносный меч. Он пошёл к учителю иврита. И в те мгновения, когда тот произнес первые слова Библии и попросил его повторить их, ему открылось, что его генетическая структура, его ухо, его гортань, его небо были рождены для того, чтобы слушать и произносить именно эти звуки.

Он сразу понял, что в России он жить не сможет, что место его только там, в Израиле. Его не могло сдержать даже то, что дети его, которых он безмерно любил, не могли стать полноценными жителями той страны: их мать — его жена — была русской. Он забросил математику, бросил поэзию и стал готовиться к отъезду. Когда мы встретились в Гаграх, он ждал решения своей участи.

И вот тогда-то, в его страстной речи и прозвучали эти слова — *огонь неугасимый*. Мой собеседник верил, что этот огонь характеризует всех людей одной с ним крови,

весь этот “отвергнутый народ” (как назвал его в одном из своих исповедальных стихов Надсон).

... Я оценил эти два слова. Но не поверил своему молодому другу.

В душе моей с ранних моих лет жили ещё два дорогих мне слова, которые однажды довелось мне увидеть на обложке книги Мартина Андерсена Нексе – *дитя человеческое*.

До того, как я услышал слова, сказанные мне моим юным другом, я не мог для самого себя выразить то, в чём изначально был убеждён. А моё убеждение состояло и состоит в том, что все мы — дети человеческие — равны возможностью возжечь в душе своей этот *неугасимый огонь*.

Я убежден, что *в каждом из нас может быть возжён огонь неугасимый*.

Только для почти каждого из нас нужно, чтобы *кто-то* поднёс хотя бы тлеющую лучину к готовому вспыхнуть очагу души. Это могут быть Отец, Мать, Дедушка или Бабушка, Няня, близкий человек, Учитель, Друг, Женщина, Мужчина... Это, конечно, может быть и ощущение отверженного человека. Как часто я был свидетелем того, как происходило самовозгорание в «человеке диаспоры». Обстоятельства понуждали идти наперекор судьбе. Без огня в душе это невозможно.

Но самое большое чудо, которому мне все-таки довелось быть свидетелем, это чудо *самовозгорания без внешней причины*. Как у моего друга — Михаила Львовича Лидова.

Я не нахожу никакой такой причины для возжигания огня неугасимого в его душе. Отец ... Но его сослали, когда сыну было девять лет, а его идеологию сын не воспринял. Мать ... Но с четырнадцати лет Миша шёл своей дорогой и опекал свою мать, как старший в семье. Сестра была в ссылке, других родственников у него не было. В детстве ему не случилось встретить ни Учителя, ни Друга. И был он ещё “один уж, извините: Королевой не успел обзавестись” . А чувства человека диаспоры, я говорил уже об этом, он был лишён. Как нравственная личность, как личность с горящим в нём огнём неугасимым, Лидов сформировался сам, и я воспринимаю это как чудо. Чудо самовозгорания, по моему мнению, не является национальной чертой и тем более привелегией, и в других своих очерках я сделаю попытку подтвердить это.

Осенью 1953 года Миша женился на Диане Седых, тогда студентке третьего курса. (Я стал звать ее и поныне зову Дианкой). В 1959 году у Лидовых родился сын Алексей.

На пятом курсе Мишу избрали секретарём комсомольского бюро курса, а Дианку в это время стали “вербовать” в спецгруппу. При этом надо было заполнить подробную анкету. Там был вопрос и об отце мужа. Она написала: сослан по 58 статье. Эта информация вернулась на факультет. Стали выяснять, как это получилось, что у студента мех-мата отец

сослан по 58 статье. Как вообще могли его принять?

Анкета, которую при поступлении заполнял солдат, окончивший школу рабочей молодежи, была из самых маленьких, про собственного отца там не было вопроса. Но полагалось доносить на себя, а вот этого Миша не сделал. Началось разбирательство.

Друг и соратник Лидова, Владимир Васильевич Белецкий, написал замечательную статью (я буду ее не раз цитировать): “М. Л. Лидов — учёный и человек” (Вестник РАН, 2000, том 70, N 6) .

Случай с Лидовым Белецкий описывает так.

“Созвали немедленно комсомольское собрание курса; за столом — в президиуме — сидели комсомольские работники из бюро комсомола МГУ, райкома [...] ; они выражали негодование, клеймили наше бюро и чуть ли не весь наш курс за потерю бдительности, а лично Мишу Лидова за карьеризм, двурушничество и много чего еще на него вешали. Напоминию — на ветерана войны, добровольно ушедшего на фронт. Миша слушал и сосал лимон.”

Собрание доставило Мише много тяжелых минут, хотя тогда всё почти обошлось: курс горячо вступился за Лидова, и все ограничилось лишь выговором.

В мае 1954 года Седов представил в ДАН первую работу Лидова, где тот обобщил точные решения уравнений одномерного неустановившегося газа на случай, когда на него действует ньютоновское тяготение. Разумеется, Лидов должен был поступить в аспирантуру, но после того комсомольского собрания и думать об этом было невозможно. И никакого распределения он вообще не получил.

Около двух лет Миша не мог устроиться на работу: пути сталинизма ослабевали, но медленно.

Молодая семья жила очень тяжело. Настроение у Лидова было соответственным. Но Миша продолжал заниматься наукой и сделал несколько работ. В частности, он нашел еще одно автоточное решение в задаче о движении газа при сферической симметрии в поле гравитирующего центра. В седовских кругах это была маленькая сенсация. Работа была представлена в “Доклады” в январе 1957 года.

Где-то году в 56-м Миша устроился в какую-то космическую контору (называлась она, помнится, Совет по космонавтике). Работа была канцелярская. Естественно, он стремился к чему-то другому. Седов старался помочь своему бывшему ученику. Он обратился к М. В. Келдышу. Много уже изменилось, и Келдыш взял М. Л. Лидова в ИПМ — Институт

прикладной математики. 4 октября 1957 года, когда был запущен первый спутник, Лидов встретил уже там. Шутили: спутник запустили в его честь.

... И вот я держу в руках работу Лидова 1958 года “Определение плотности атмосферы по наблюдаемому торможению первых искусственных спутников Земли” и не верю своим глазам.

Четвёртого октября 1957 года был запущен первый искусственный спутник Земли, в том же году Лидов был принят в ИПМ, и уже в двенадцатом номере “Известий АН СССР серия геофизики” за тот же год, появляется статья Лидова, посвящённая обчёту движения тела в атмосфере, а в следующем году им делается сенсационное открытие. Предлагаю слово В. В. Белецкому.

“До запусков спутников геофизики о верхних слоях атмосферы Земли не знали практически ничего. И вот запущен первый спутник. Он, конечно, тормозится в верхней атмосфере, и поэтому его орбита постепенно изменяется, большая ось его орбиты уменьшается. По идее, наблюдая эти изменения, можно решить обратную задачу механики — по траектории определять действующие силы, например, силы аэродинамического торможения. Но это только по идее. На пути осуществления её стояло немало трудностей, блестяще преодоленных М. Л. Лидовым. Он [...] открыл удивительные вариации плотности атмосферы, например, суточные. На солнечной стороне Земли прогретая атмосфера “вспухает”, линии равной плотности вытягиваются в сторону Солнца.” (Это явление называют дыханием атмосферы или эффектом Лидова). Белецкий продолжает: “Геофизики были потрясены” они “оценили эти результаты, как важное событие в геофизике, как научную сенсацию.”

Последующее десятилетие было звездным в научной биографии Лидова.

Снова процитирую то, что написали в некрологе “коллеги, ученики” : “В последующие годы Михаил Львович фактически стал лидером целого направления, связанного с теоретическими и прикладными задачами баллистического проектирования и управления полетом космических аппаратов. [...] Работы М. Л. Лидова и его сотрудников по анализу класса траекторий полета к Луне и схем управления были непосредственно использованы при решении задач облета Луны с фотографированием ее обратной стороны (аппарат «Луна-3»), мягкой посадки на поверхность Луны (аппараты «Луна-9, 13»), запуска первых искусственных спутников Луны (аппараты «Луна-10, 14»). В задачу полета вокруг Луны с возвра-

щением на Землю (аппараты «Зонд»). М. Л. Лидов внес существенный вклад в разработку комплекса математических методов и алгоритмов решения задач управления маневрами космических аппаратов. Эти методы применялись во время полетов автоматических станций «Луна-15, 24».

Когда в 1986 году праздновалось в ИПМ шестидесятилетие М. Л. Лидова, выступивший там ветеран космических наук Павел Ефимович Элиасберг сказал: «В космической навигации Михаил Львович Лидов специалист номер ноль!»

Михаил Львович был одним из пионеров новой науки с парадоксальным названием: «Прикладная небесная механика.» Глубоко развив теорию задачи трёх тел он установил невозможность длительного существования спутников на орбитах с большим наклоном к плоскости орбиты возмущающего тела. Этот результат получил название в научной литературе теоремы Лидова. Но спутник — не небесное тело, и Михаил Львович решил рассчитать на компьютере эволюцию траектории самой Луны, повернув круто её орбиту. Снова предоставляю слово В. В. Белецкому: «Лидову принадлежит, в частности, убийственный по результатам и убедительности расчет. Он рассмотрел систему трех тел — Солнце — Земля — Луна — для случая, когда орбита Луны повернута на 90° в пространстве перпендикулярно к плоскости орбиты Земли. Что станет с Луной под действием возмущений от Солнца? Оказывается, тогда Луна грохнулась бы на Землю и при том всего за четыре с половиной года (55 месяцев)! Мне до сих пор хочется и смеяться и плакать от восторга, когда я вспоминаю этот результат.»

Отвлечемся на некоторое время от науки. Много вспоминается ...

Весной 1963 года пришел первый номер «Нового мира», который мы выписывали. Там были напечатаны рассказы Солженицина «Матренин двор» и «Случай на станции Кречетовка.» Миша взял их почитать.

Вдруг он вбегает ко мне в комнату в некотором возбуждении. Вот, что он вспомнил. Это было зимой 40/41 года, во время Финской войны. Были такие дикие холода, что школы в Москве не работали. Мишка пошел к Сережке Войтинскому. Решили, как водится, пойти в театр. Посмотрели, что идет. Увидели: «Нора»! Наверное, что-то интересное. Запустили свою пластинку: «Войтинская говорит ...» На этот раз всё сошло. Попали. Давали ибсеновскую «Нору».

...Главное действующее лицо рассказа «Случай на станции Кречетовка» Тверитинов — сорокадевятилетний солдат отстал от своего поезда.

Он просит помощника военного коменданта на железнодорожной станции Кречетовка, молодого лейтенанта Зотова, отправить его по назначению. Зотов сначала проникается к Тверитинову сочувствием, но потом вдруг у него возникает подозрения, что он не тот, за кого себя выдает, и Зотов передаёт его в руки НКВД. На заклание.

Но в те недолгие мгновения, когда Зотов еще хочет помочь человеку, попавшему в беду, он спрашивает его, кто он? “Тверитинов усмехнулся своему ответу: «Артист». [...] «В каких же ролях Вы играли?» [...] «Ну, ... полковник Вершинин ... доктор Ранк...»” . И тут у Миши как током в сердце ударило. И перед ним пронеслось все это: Финская война, Сережка Войтинский, “Нора” . Ему представилось, что роль доктора Ранка *тогда* исполнил герой солженицинского рассказа... Я всё хочу попросить Н. Д. Солженицину (с ней некоторое время мы работали в одной лаборатории) спросить у Александра Исаевича, имеются ли для этого мишиного ощущения какие-то основания или нет ...

Вскоре мы перестали быть соседями. Миша получил квартиру от ОПМ. Тогда же, в середине шестидесятых, Миша и Диана развелись, сохранив добрые отношения друг к другу. В середине семидесятых Лидов женился вторично. Его брак с Еленой Николаевной Хазиной оказался счастливым. Она до сих пор собирает 4 октября у себя мишиных друзей.

Миша оставлял о себе незабываемое, яркое впечатление даже при кратком общении.

... Разговорился с человеком, с которым не виделся дотоле никогда. Вдруг выяснилось, что он общался с Лидовым в доме отдыха. И я услышал: “Это был настоящий мужчина.” И мне вспомнились многие эпизоды, подтверждающие это. Вот один: из соседней квартиры раздался истошный вопль: “Спасите! Убивают!” Миша, не задумываясь, помчался к двери, стал барабанить в нее и кричать: “Откройте немедленно!” Нам открыли. Вмешиваться не пришлось, обидчик что-то осознал, но что могло случиться, сказать было невозможно.

Невероятную самоотверженность проявил Миша, спасая Бориса Поляка, когда он в дальнем походе на Северном Урале сломал ногу и был обречен на верную смерть. Миша прошел двадцать часов без отдыха, ориентируясь по Уральскому хребту, вышел к людям и организовал вертолет для спасения друга. И нашел оставленных друзей, ориентируясь с воздуха! Такие поступки называют подвигом.

...Как-то имел случайный разговор с женщиной, тоже незнакомой: “Как он был красив!” Повторю вслед за ней: “Как он был красив!” И своим внешним обликом и своей духовной зрелостью, нравственной стойкостью, верностью слову и долгу.

Меня всегда интересовали такие личности нашей истории, как М. В. Келдыш и С. П. Королев. Я храню газету, в которой описывается такой факт. К Королеву в начале пятидесятых годов обращается его соратник и говорит, что технические возможности уже сейчас позволяют запустить спутник. А Королев с некоторым озлоблением говорит, что ему не до того: Сталин чуть ли не еженедельно справляется, когда будет создана ракета способная долететь до Вашингтона.

Что переживал Королев, будучи на службе у тирана, который по случайности не стер его самого в лагерную пыль? Что переживал он, готовя ракету, которая должна была нести смертоносный заряд в Вашингтон? Я подозревал, что Лидов может что-то сказать на эту тему. Но на мои вопросы он лишь пожимал плечами. И только после смерти Лидова я узнал, что Королев очень ценил Лидова, доверял ему, требовал, чтобы тот сопровождал его при запусках. Советовался с ним, много с ним общался. Что же мешало Мише поделиться со мной воспоминаниями о Королеве? Думаю, что некое избранное, никому больше из знакомых мне людей не свойственное чувство долга перед человеком, с которым он делал одно дело, и это не давало ему возможности судить его перед другими.

А в квартире Лидова висит большая фотография Келдыша. Миша никогда не давал ему нравственной оценки, но фотография свидетельствует о том, что в душе он хранил благодарность этому человеку.

Наступил 1993 год, последний Мишин год. В тот год умерла моя мама. Помню день похорон ее — 6 июня. Миша, разумеется, был всюду — и у нас дома, и в крематории, потом опять дома. Запомнились его глаза, исполненные грусти и тоски: рядом с мамой моей прошла почти вся его жизнь. Ему очень хотелось поддержать меня. Такое не забывается.

Я всегда был на мишиных днях рождения. Не могу припомнить, да и быть того не могло, чтобы я был в Москве, а на дне рождения у него не был. Только в последний раз случилось именно так.

В тот год четвертое октября выпало на понедельник. Миша позвонил и сказал, что устраивает день рождения в воскресенье, 3 октября. Второго мы с женой и семьей старшей дочери поехали на дачу. Проехать было нелегко, улицы были забиты народом. Небо было серым, толпа мрачной и агрессивной. “В воздухе пахло грозой”. Нам бы вернуться, но решили прорваться. И прорвались...

На даче у нас был радиоприемник, подаренный маме, когда она в семидесятом уходила на пенсию. Весь день третьего слушали тревожные вести. Не дай Бог, пережить такое еще раз. Радио комментировало события. Штурм мэрии. Подготовка к штурму Останкинской телебашни. Начало штурма. По радио слышатся слова: “Преступный режим доживает последние часы.”

А у нас в Москве остались двое детей – дочь и сын...

Я сбегал на телефонную станцию позвонить. Подошел Миша. Я объяснил: сегодня мы не доедем. Миша хмыкнул: он смотрел футбол, и вдруг, экран потух. Включили радио и тогда только узнали о событиях.

Мы всю ночь не спали. А утром четвертого октября решили все-таки прорываться домой. Доехали благополучно. Дети были на месте. Включили телевизор. Показывали штурм Белого Дома...

Когда я видел Мишу в последний раз? Сейчас уже трудно сказать. Сейчас мне кажется, что случилось это 9 октября, через пять дней после событий, на дне рождения нашей близкой общей знакомой.

...Двадцать девятого декабря пришла добрая весть: сын Миши Алексей выиграл почетный грант. Вскоре он должен отправиться в Америку в длительную командировку. Отец позвал сына домой — отметить.

Выставили спиртное. Было чем закусить. Сидели долго: было и что обсудить.

А наутро 30 декабря отцу нужно было в ИПМ. И по делам, и предполагалось что-то предновогоднее. Сын и отец вышли впритык, надо было торопиться. Пошли на метро “Проспект Вернадского”. Сначала спуск, потом подъем. Алексей говорил потом: “Отец мчался вверх, как молодой бог, я едва поспевал за ним.” Сели в вагон метро. Народу полно, но отцу нашлось свободное место. Улыбнулся: повезло! Взял на колени кейс сына. И вдруг стал валиться набок. Когда подъехали на следующую станцию “Университет” и вынесли его из вагона, сердце уже не билось.

... 11 января 1994 года в Институт космических исследований пришло письмо от Chancey Uryoff (Niwot, Colorado, USA) (я никогда не слышал от Миши этого имени, и не берусь его произнести). Неведомый мне человек нашел замечательные слова о моем друге:

“Я был очень глубоко опечален, узнав о смерти профессора Михаила Лидова. Я считаю его одним из своих учителей. [...] Трудно выразить словами, сколь много я узнал из его работ. Возможность увидеться с ним и выразить ему благодарность за его исследования и за его влияние на мои труды, я воспринимаю, как одно из счастливейших событий в моей жизни. [...]

Будем радоваться тому, что он жил.”

Будем радоваться тому, что он жил.

***В.М. Тихомиров.* М.Л. Лидов (1926 – 1993).**

Историко-математические исследования.

Вторая серия, выпуск 12(47), 2007, сс. 132 – 147.

Российская Академия Наук.

Институт истории естествознания и техники

им. С.И. Вавилова.